



Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–287

*Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 283–287

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-283-287>

Научная статья

УДК 1(091)

## Свобода и неравенство: к проблеме истории и философии либерализма



В. П. Рожков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рожков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, [vladim-rozhkov@yandex.ru](mailto:vladim-rozhkov@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>

**Аннотация.** В статье исследуются проблемы доктринального отождествления свободы и неравенства классическим либерализмом и неолиберализмом. Выявляются особенности натуралистического и теологического подходов к проявлению неравенства в человеческих сообществах; дается философское обоснование юридическо-правовой аргументации неравенства в теориях естественного права и общественного договора мыслителей Нового времени; благодаря апелляции к ценностной динамике, отраженной в лозунгах Французской революции XVIII в., раскрыто постепенное вытеснение либеральными движениями приоритетов «Равенства» и «Братства», выдвигавшихся революционной демократией. Итоговое утверждение локковского варианта ориентации классического либерализма на триаду «Свобода. Собственность. Жизнь», по мнению автора, логически обуславливает отождествление представителями либеральных кругов свободы с неравенством, а равенства с рабством. Разработка теоретиками неолиберализма концепций «социальной солидарности» согласно авторской позиции не изменяет либеральной установки на «свободу в неравенстве». Анализ категорий свободы и неравенства дал возможность сформулировать противоречия данного положения и прийти к выводу, согласно которому при обострении выведенного противоречия до максимума возрастает риск самоотрицания либерализма.

**Ключевые слова:** либерализм, демократия, равенство, неравенство, свобода, солидарность, собственность, распределение, единство, разъединение, отрицание

**Для цитирования:** Рожков В. П. Свобода и неравенство: к проблеме истории и философии либерализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–287. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-283-287>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

### Freedom and inequality: On the problem of the history and philosophy of liberalism

V. P. Rozhkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir P. Rozhkov, [vladim-rozhkov@yandex.ru](mailto:vladim-rozhkov@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>

**Abstract.** The article is devoted to the study of the problem of the doctrinal identification of freedom and inequality by classical liberalism and neoliberalism. Identifying the features of the naturalistic and theological approaches to the manifestation of inequality in human communities, the author notes the philosophical justification of the legal argumentation of inequality in the theories of natural law and the social contract of modern thinkers. The appeal to the value dynamics reflected in the slogans of the French revolution of the 18th century allows the author to reveal the gradual displacement of the priorities of “Equality” and “Brotherhood”, which were put forward by the revolutionary democracy, by the liberal movements. The final statement of Locke’s version of the orientation of classical liberalism on the triad “Freedom. Property. Life”, according to the author, logically determines the identification of freedom with inequality, and equality with slavery by representatives of liberal circles. The development of the concepts of “social solidarity” by the theorists of neoliberalism, according to the author’s proof, does not change the liberal attitude to “freedom in inequality”. The analysis of the categories of freedom and inequality allows the author to formulate the contradictions of this provision. The article concludes that with the aggravation of the derived contradiction to the maximum, the risk of self-denial of liberalism increases.

**Keywords:** liberalism, democracy, equality, inequality, freedom, solidarity, property, distribution, unity, separation, negation

**For citation:** Rozhkov V. P. Freedom and inequality: On the problem of the history and philosophy of liberalism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 283–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-283-287>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)



Проблема неравенства находится в центре внимания древнегреческой философии. Так, в воззрениях Платона и Аристотеля отчетливо выражается признание природного неравенства людей в способностях и характере самовыражения. Отсюда следовало логическое заключение о естественности неравенства в распределении, разумеется, понимаемом в широком смысле как на антропном (физическом, психическом и интеллектуальном) уровне, так и в социальном значении «общественного» (экономическом, социально-структурном, политическо-государственном и духовно-культурном измерениях). В подобной рефлексии распределения проявляется натуралистическая составляющая аргументации неравенства.

На основании религиозного, в частности христианского, мировоззрения возникает другой теологический вариант обоснования неравенства с провиденциалистским обращением к воле Божьей. Однако при этом обозначается мотив второстепенности социального неравенства с доктринальной установкой на равенство всех людей перед Богом.

И, наконец, философы Нового времени вводят проблему неравенства в пространство юридическо-правовой аргументации. Этот уровень отражается в теориях общественного права и общественного договора Т. Гобса, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье и др. Именно в интерпретации Дж. Локка естественного права как права на жизнь, собственность и свободу содержится установка, связывающая либерализм с ориентацией на неравенство. Это право на собственность и конкретно на «священную» для классического либерализма частную собственность. В Новое и Новейшее время речь идет о капиталистической частной собственности в вариантах мелкоотварной, средней, крупной, монополистической, государственно-монополистической, транснациональной, корпоративной капиталистической собственности.

Во всех перечисленных типах собственности представлен источник социального неравенства. В экономических отношениях это неравенство относительно функций пользования средствами производства. Речь идет о функциях юридическо-го владения, непосредственного использования средств производства в процессе труда и управления (распоряжения).

В социально-структурном выражении неравенство проявляется через участие в распределении общественного продукта по разным принципам: по капиталу, ренте и по труду, что предполагает выделение в социальной структуре общества социального верха, социальной середины, социального низа.

В политической сфере неравенство в отношении власти, катализируемое «формальностью права», фиксируется даже в языке в терминах «политическая элита», «политический истеблишмент» и «простые граждане» «рядовые граждане», «обычные граждане», «простой народ».

В культурно-духовной сфере неравенство проявляется в различиях по критерию доступа к культурно-духовным, интеллектуально-образовательным ценностям, что отражается терминологически в понятиях «образованный класс», «интеллектуальная элита», «творческая элита» и т.п.

Таким образом, законодательно декларируя неприкосновенность частной собственности, классический либерализм вводит в закон социальное неравенство. Задача субъектов политической власти в этом случае должна заключаться в одном: не довести уровень социального неравенства до абсолютного обнищания социальных низов, в их понимании «простого народа». Как показала история, именно при достижении такого уровня неравенства произошли три мощнейших социальных взрыва: Английская (1642–1649), Французская (1789–1793) и Русская (1917–1920) революции.

Показательным в аспекте исследуемой проблемы представляется тот факт, что в этих социальных взрывах обнаружилось расхождение либерального и революционно-демократического подходов к пониманию содержания свободы и равенства. Например, классическая либеральная трактовка этих идей в начале Великой французской революции отражена в достаточно универсальных положениях о свободе как возможности делать все, что не наносит вреда другому, и о равенстве перед законом, в то время как один из знаменитых теоретиков Просвещения Ж.-Ж. Руссо, чьи идеи отразились в политической деятельности представителей революционной демократии, выделил характеристики государства, создаваемого в результате общественного договора как выразителя коллективной воли и в этом качестве – гаранта свободы. Что касается идеи равенства, то Ж.-Ж. Руссо выступал за имущественное равенство. Как известно, попытки реализации подобных идей просматриваются в действиях радикально настроенных якобинцев.

История Французской революции показала и другое. Знаменитый лозунг «Свобода. Равенство. Братство» имел свой смысл для социальных низов. Свобода воспринималась низшими классами как освобождение от высшего сословия, а равенство – как ликвидация его привилегий и как отрицание иерархической структуры монархического феодального государственного



устройства. Относительно толкования смысла братства выдвигаются разные версии. Но как наиболее близкая обыденному сознанию низшего сословия позиционируется ориентация на «де-леж» имущества богачей и аристократов между «простым» народом, когда все представляется общим, как в семье.

Позже, в XIX в., Ф. Энгельс будет писать о выражении этого стремления рабочим классом, подчеркивая, что революционная борьба не должна являться мстью отдельному капиталисту и что речь идет о создании иной социальной системы, в которой исчезает функциональная необходимость для существования класса капиталистических собственников. И он же отмечал, что, к сожалению, уровень теоретической культуры пролетариата и степень его ожесточения таковы, что вполне вероятны социальные рецидивы физического уничтожения классового противника, интерпретируемые как способ достижения свободы угнетенными классами. Критически охарактеризует рассмотренные выше представления социальных низов на уровне пролетариата об отношениях частной собственности, ее упразднении и обобществлении К. Маркс, анализируя «примитивный коммунизм».

Политический смысл расхождения свободы и равенства на основе рефлексии опыта переживания таких рецидивов в процессе социального взрыва 1917–1920 гг. в России раскрывался отечественными мыслителями Ф. Степуном, Н. Бердяевым и др. Так, оперируя терминами либеральной и тоталитарной демократии, Ф. Степун полагал, что связующим понятием между либерализмом, ориентирующимся на свободу, и демократией, апеллирующей к равенству, может стать лишь «братство», т. е. третья идея, выраженная в приводившемся лозунге Французской революции. Однако, по его мнению, эта связь между «буржуазной идеей свободы» и «пролетарским требованием равенства» не осуществилась, так как «либеральная свобода оставила без внимания идею братства [1, с. 141]. Таков его вывод о причине анализируемого расхождения. В этом объяснении ощущается определенная незаконченность. Возникает вопрос: могла ли «либеральная свобода» обратиться к идее «братства», если она связана с естественным правом на собственность в триаде Дж. Локка, ставшей основой классического либерализма? Почему она не апеллирует к идее «братства» даже в варианте ее трактовки в декларации прав человека и гражданина 1795 г., призывающей не делать другим того, что не хочешь получить сам? Может быть, потому, что в условиях динамики капиталистической собственности и либерального рынка с

его свободной конкуренцией и ее рецидивами реализация даже такого смысла братства становится проблематичной.

Наверное, не случайно отмечается уже после 9 термидора Французской революции употребление наряду с девизом «Свобода. Равенство. Братство» девиза «Свобода. Равенство», а при наполеоновском правлении использование девиза «Свобода. Равенство» только в официальных бумагах до 1808 г. Это вполне понятно, если предположить, что период сотрудничества консульского режима с крупным финансовым капиталом, ознаменовавшийся учреждением знаменитого национального банка, вероятно, подвиг Наполеона к объявлению о конце Французской революции и замене девиза «Свобода. Равенство. Братство» иным лозунгом – «Собственность. Свобода. Равенство».

Такая экономически обоснованная и политически реализованная замена в духе триады классического либерализма отразилась в дальнейшем в поисках новых транслируемых в лозунгах смыслов, исключающих «Братство». Показательно, что такие изменения вносятся представителями революционных движений. Так, в сочинениях Прудона и Кропоткина отмечается обращение к терминам «солидарность» и «сотрудничество», а на транспарантах анархистов в политических шествиях появляется триада «Свобода. Равенство. Солидарность». Заслуживает внимания тот факт, что «Свобода» и «Равенство» пока обозначаются в единой перспективе, а не как дилемма. Вероятно, понадобятся время и опыт пребывания в эпицентрах социальных взрывов, чтобы появились рефлексии их расхождений, подобные осмыслениям Ф. Степуна, который делал вывод об ошибке современного (для его, думается, и для нашего времени) политического сознания в подходе к либерализму и демократии как явлениям взаимосвязанным и перетекающим друг в друга. Согласно его мнению либерализм и демократия расходятся в выборе приоритета свободы или равенства [цит. по: 2, с. 280].

Впрочем, в контексте проводимого исследования важно обратить внимание общественного сознания и на другое. Приоритетная ориентация либерализма на свободу с восприятием равенства как рабства в понимании Г. Флобера, а в философской интерпретации как отрицание свободы означает его (либерализма) апелляцию к неравенству. Это свобода в неравенстве. По аналогии с известным поэтическим произведением В. В. Маяковского для либерального сознания свобода подразумевает неравенство, неравенство подразумевает свободу. Даже на уровне семьи как



микросоциума при обращении к опыту семейных отношений такое отождествление не может не вызвать сомнений.

Но вернемся в измерение теоретического сознания с либеральной векторной ориентацией. Именно оно должно содержать концептуальное обоснование приоритета свободы в неравенстве в условиях цивилизации, воспроизводящей капиталистические экономические и, следовательно, рыночные отношения. Искомое обоснование может выражаться в концепциях, теориях, отвечающих на ряд вопросов. Разумеется, их выбор и выдвижение должны основываться на определенном критерии. С учетом либерального приоритета «Свободы в неравенстве» в ситуациях социальных взрывов как перспективной целевой установки на создание новой постреволюционной социальной целостности оптимальным представляется выбор критерия созидания социальной целостности.

С позиции этого критерия логично предположить, что достижению целостности общества способствует доминирование в общественном сознании ориентации на социальное единство. В таком случае целесообразно обратиться к теориям социальной солидарности, рассматривая их в рамках вопроса о характере взаимосвязи социального неравенства и социальной солидарности. Философское исследование ориентирует на изначальный поиск ответа на поставленный вопрос на категориальном уровне. Нельзя не отметить, что решение подобной задачи достаточно сложное и требует в первую очередь учета различных подходов к изучению явлений, обращению к разным типам и формам их реализации, выделению их ключевых характеристик в разноуровневых дискурсах: моральном, политическом, повседневном, научном. Например, в социологии существуют три подхода к исследованию категории «солидарность» и около двенадцати признаков, включаемых в содержание трактовок этого понятия. Аналогичная сложность обнаруживается и в разработке категории «неравенство».

Однако если подходить к категориально-методологическому выбору с позиции ранее выделенного критерия созидания социальной целостности и рассматривать понятие солидарности, обратив внимание на такую терминологически выраженную характеристику, как единство, то логично сделать акцент на определении социальной солидарности, как «единства, порождающего единство». В более развернутом варианте это можно интерпретировать как единство различного рода социальных субъектов, вы-

ражающееся в совпадении их интересов, целей, задач и стандартов. В то же время правомерно констатировать, что категориальный анализ неравенства позволяет сделать интересный вывод. Речь идет о том, что наиболее общая позиция современной социологии в формулировании понятия неравенства отражается в определении социального неравенства либо как формы дифференциации, либо как социальной стратификации со специфическим содержанием. Думается, что категория социальной дифференциации в философской рефлексии неравенства представляет более широкий диапазон смысловых интерпретаций, например, по критерию типологии факторов социальных различий. Но нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что в обоих вариантах специфика отмеченных форм представляется в апелляции к наличию вертикальной социальной иерархии, на разных ступенях которой находятся социальные и индивидуальные субъекты [3, с. 126–127].

На этом основании можно предложить определение неравенства как формы дифференциации, предполагающей расположение социальных и индивидуальных субъектов на разных уровнях вертикальной иерархии в экономических, социально-распределительных, политических и культурно-духовных координатах. Сравнительный анализ обозначенных категорий подводит к выделению противоречия между «свободой» и «неравенством» в либеральном принципе «свободы в неравенстве» с позиции критерия достижения солидарности, т.е. созидания социальной целостности или социального единства. Это противоречие – между тенденцией единения в стремлении к свободе и тенденцией разъединения, катализируемой вертикально иерархическим положением социальных и индивидуальных субъектов в социальной структуре общества.

Забвение данного противоречия способствует трансляции односторонних выводов концептуального плана. Известно, к примеру, что в качестве фактора «органической» солидарности Э. Дюркгейм рассматривал разделение общественного труда в организованных (развитых) социальных системах. Действительно, в функциональном контексте разделение труда способствует интенсификации взаимосвязи и взаимозависимости социальных групп. Но при ограничении только таким выводом возникает вопрос о причинах социальных конфликтов, доходящих до социальных взрывов. Думается, что ответ на поставленный вопрос заключается в концептуальном акценте на другой стороне медали. Разделение общественного труда, созда-



вая основу для разделения функций пользования средствами производства, обуславливает формирование вертикальной иерархии относительно распределения в широком социальном смысле, а значит неравенства со всеми вытекающими последствиями.

Обращение к исторической динамике лозунгов в процессе Французской революции XVIII в. и опыту российской революции начала XX столетия показывает, что социальные группы и их представители, находящиеся на разных ступенях вертикальной иерархии в отношении к собственности, распределению, политической власти и духовно-интеллектуальным приоритетам, ориентируются на разные и даже противоположные смыслы свободы и единства. Доведение такой противоположности до острого противоречия приводит не к «единству, порождающему единство», а к социальному разъединению в апогее гражданской войны.

Проведенный сравнительный анализ дает основание предположить, что парадокс либерализма в контексте выведенного противоречия может проявиться в самоотрицании. Логика интерпретации либеральных формул «равенство-рабство», а «неравенство-свобода» ориентирует на вывод о том, что чем выше уровень неравенства, тем выше и степень свободы. Следовательно, достижение максимума свободы означает и максимум в неравенстве. Но в точке максимума, как известно, для социального явления таится риск переворота и превращения в свою противоположность. Не эта ли ситуация наблюдается в современных западных системах, позиционирующих себя единственными носителями либеральных

ценностей, их гарантми и распространителями, стремящимися по сути к максимуму или абсурду мировой псевдолиберальной революции?

### Список литературы

1. Степун Ф. Борьба либеральной и тоталитарной демократии вокруг понятия истины // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 137–144.
2. Рожков В. П. Демократия в концепциях альтернативных направлений русской философии конца XIX – первой половины XX столетий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 278–281. <https://doi.org/10.1850/1819-7671-2018-18-3-278-281>
3. Осипова Н. Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 4. С. 124–153. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153>

### References

1. Stepun F. Struggle of liberal and totalitarian democracy around the notion of truth. *Voprosy Filosofii*, 1999, no. 3, pp. 137–144 (in Russian).
2. Rozhkov V. P. Democracy at the Alternative Directions in the Russian Philosophy (at the End of XIX – First Half of XX Centuries). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 278–281 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-3-278-281>
3. Osipova N. G. Social inequality in the modern world. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 124–153 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-124-153>

Поступила в редакцию 26.05.2021, после рецензирования 31.05.2021, принята к публикации 05.07.2021  
Received 26.05.2021, revised 31.05.2021, accepted 05.07.2021